

Д.А. ПРОХОРОВ
D.A. PROKHOROV

**ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДНЫХ КАТАКЛИЗМОВ И СТИХИЙНЫХ
БЕДСТВИЙ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ОПИСАНИЯХ
АВТОРОВ И ДОКУМЕНТАХ XVII–XVIII ВВ.¹**

**EFFECTS OF NATURAL HAZARDS AND NATURAL DISASTERS IN
THE CRIMEAN PENINSULA IN THE DESCRIPTIONS OF AUTHORS
AND DOCUMENTS OF THE XVII–XVIII CENTURIES**

Некоторые сведения о природных катаклизмах и стихийных бедствиях, имевших место на территории Крымского полуострова в XVII–XVIII вв., приведены в публикациях Н.Н. Мурзакевича, В.Д. Смирнова, А.А. Новосельского, В.В. Каргалова, Г.А. Санина [Мурзакевич, 1850, с. 568–658; Мурзакевич, 1881, с. 249–329; Смирнов, 2005; Новосельский, 1948; Каргалов, 1974; Санин, 1987]. Проблемой истории распространения и локализации эпидемий и пандемий различных заболеваний на территории России, а также их изучением их последствий занимались такие авторы, как Ф.А. Дёрбек, И.И. Пантюхов, Б.В. Владыкин, А. Гирш, Г.И. Архангельский, П.Е. Заблудовский, М.Ю. Лахтин, К.Г. Васильев, А.Е. Сегал, Е.И. Смирнов, В.А. Лебединский, Н.С. Гарин, К.К. Васильев и др. [Архангельский, 1874; Пантюхов, 1876; Hirsch, 1883; Гозевер, 1897; Владыкин, 1899; Дёрбек, 1905; Лахтин, 1909; Заблудовский, 1960; Смирнов, Лебединский, Гарин, 1988; Васильев, Сегал, 1960; Васильев, 2009]. Данные о землетрясениях на Крымском полуострове и сопредельных с ним территориях проанализированы в публикациях А.И. Маркевича, А.Ф. Слудского, М.В. Смирнова, А. Полумба, И.И. Попова, А.А. Никонова, В. Хапаева [Маркевич, 1915, с. 254–259; Маркевич, 1928, с. 64–73; Слудский, 1928, с. 17–24; Смирнов, 1931; Полумб, 1933; Попов 1969, с. 447–459; Никонов, 1986, с. 79–85; Никонов, 1994, с. 20–31; Никонов, 2000, с. 53–62; Хапаев, 2009, с. 77–80].

Целью предлагаемой статьи является обобщение уже известных данных, а также анализ исторических сведений о чрезвычайных ситуациях, возникавших вследствие природных катаклизмов на территории Крымского полуострова в период с XVII до конца XVIII в. Информация о них приведена в официальной делопроизводственной переписке, отчетах официальных послов и резидентов, находившихся в Крыму, а также в мемуарах, очерках и записках непосредственных участников указанных событий. Помимо этого, в ходе работы над статьей использовались официальная документация созданного после присоединения Крыма в 1783 г. Таврического областного правления, переписка должностных лиц и материалы, хранящиеся в фондах государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК, г. Симферополь); некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Одной из основных проблем в истории Крымского ханства на протяжении довольно длительного периода являлось обеспечение населения продовольствием. В XVII в. на Крымском полуострове выращивали пшеницу, рожь, просо, овес, чечевицу и ячмень, причем Иоганн Тунманн обращал внимание на то, что посевы ячменя давали хороший урожай, частично отправлявшийся в Константинополь – ежегодно из Крыма вывозилось до 60 судов [Тунманн, 1991, с. 43]. По словам французского посла в Крыму Шарля де Пейссонеля (1753 г.), из крымских портов ежегодно выходило от 100 до 150 судов, груженных ячменем, просом и пшеницей для Османской Порты, а другой француз Обри де ля Мотре в 1711 г. охарактеризовал Крым как заслуживающий «звания житницы Греции, как его называли ранее» [Peyssonnel, 1787, p. 165; Мотре, 2006, с. 189]. Налог с собиравшегося в Крыму в конце XVIII в. урожая зерновых составлял от 12 000 до 40 000 четвертей в год, при этом сама стоимость зерна была невысокой – «не более 7–8 пара² за киле³» [Лашков, 1897, с. 30; Мотре, 2006, с. 190]. Тем не менее довольно часто Крымское ханство нуждалось в привозном хлебе, поэтому наблюдалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, кочевое и оседлое земледелие позволяло отправлять хлеб на экспорт; с другой – в неурожайные годы в Крыму начинался настоящий голод – «длительные засухи, неурожай и вызванные ими голодовки вели к массовому падежу скота и вымиранию населения» [Каргалов, 1974, с. 8].

Например, русский посланник в Крыму Петр Савелов сообщал, что в 1626 г. «лето в Крыму было сухмяное» и неурожайное, «хлеб и сено не родился», а цены на все съестные припасы чрезвычайно поднялись и члены посольской свиты, находившиеся в Чуфут-Кале в течение 9 недель, буквально голодали, «траву и корень всякой собираючи ели, а где будет <...> у жидов⁴, что добудут», причем четверик⁵ ячменя стоил полтора золотых, за четверик пшеницы платили от 2 до 15 золотых (цена на нее доходила и до 40 золотых), баранина продавалась по цене 10 золотых, говядина – от 15 до 20 золотых, можара⁶ сена – 10 золотых, а ведро воды – 2 золотых [Савелов, 1902, с. 75; Савелов, 1906, с. 8, 71, 72, 102, 103]. Вынужденные искать защиты за крепостными стенами Чуфут-Кале, послы П. Савелов и С.И. Тарбеев сообщали о том, что члены русской дипломатической миссии, ограбленные крымскотатарскими

² Пара – турецкая серебряная монета, бывшая в денежном обращении в Крыму в XVII–XVIII вв.

³ Киле – единица измерения сыпучих тел. Размер киле отличался в разных областях. 1 крымский киле составлял 2 пуда 10 фунтов.

⁴ Под «жидами» в приведенном отрывке подразумеваются представители караимской общины Чуфут-Кале.

⁵ Четверик – в XV–XX вв. русская единица измерения объема сыпучих тел; равнялся 1/8 четверти, или 26,24 литра.

⁶ Можар, можара – длинная двух- и четырехколесная повозка с решеткой из деревянных палок по бокам; использовалась в хозяйствах крымских жителей вплоть до начала XX в.

мурзами и потерявшие все свои сбережения, лошадей, а также привезенные для хана поминки, «из жидовского городка бились с ними [татарами] беспрестани <...> и в осаде, государь, мы помирали голодною смертью <...> хлеба печеного и никакого жита и мяса купить не добыли» [Савелов, 1906, с. 7, 10, 71, 72]. Русские посланники Кологривов и Дуров платили за четверик пшеницы от 26 алтын⁷ 4 деньги и до 1 рубля, а за четверик ячменя – по 4 и более гривен [Новосельский, 1948, с. 182].

Кроме погодных катаклизмов и неурожая в течение 1628–1629 гг. в Крыму, по данным многих источников, свирепствовала эпидемия чумы: многие «сидячие и юртные деревни... стали пусты» [Новосельский, 1948, с. 182]. «Моровое поветрие» опустошило такие города, как Бахчисарай, Гёзлёв, Карасубазар, Керчь, Балаклава, Мангуп и Чуфут-Кале. Глава миссии доминиканских монахов в Кафе Эмиддио Дортелли д'Асколли упоминал, что «жесточайшая чума смела сотни тысяч людей». Ситуация осложнялась и тем, что «четыре года сряду появлялась саранча, каждый раз в большем количестве и ранее прежнего, причиняя невероятные убытки не только людям, в виде сильной дороговизны, но, кроме того, в зимнее время погибло великое множество скота по недостатку подножного корма и запасов сена; наконец, выпадали часто великие снега при сильнейших морозах». Около 30 000 крымских татар переселились с семьями, «кто морем, кто сухим путем», в Румелию, «причем из каждого поселения уходило то более, то менее одной или двух тысяч человек, смотря по числу жителей» [д'Асколли, 1902, с. 125, 126]. Эпидемия, которая распространилась и на территорию современной Украины, стала затихать лишь весной 1629 г. А летом 1632 и 1645 гг. нашествия саранчи вновь уничтожили хлеб «без остатку» во всех улусах [Новосельский, 1948, с. 182, 194, 342].

В начале декабря 1642 г. прибывшие в Крым московские посланники Б. Прилонский и Г. Лавров сделали в статейном списке запись о большом неурожае в Крыму и сопровождавшей его засухе. В этом документе были перечислены цены на некоторые основные продукты питания: например, за «ограмок»⁸ соломы нужно было платить 3 золотых, за можару сена – 5–6 золотых, за четверть ячменя – по 6 золотых, за четверть ржи или пшеницы – по 8 золотых [Новосельский, 1948, с. 313]. В августе 1643 г. «ближний царев человек» (приближенный хана) Маметша Ага заявил посланникам, что татары с голода продают жен и детей: «Ныне де царю некоторыми мерами татар-воров унять немочно, потому что стал голод большой, жен и детей своих продают; кому де не своровать, сворует за нужею, хотя смерть свою видит, и тех де воров где сыскать» [Новосельский, 1948, с. 313]. Московские посланники Г. Неронов и Н. Головнин, прибывшие в Крым в декабре 1643 г., сообщали о голоде на полуострове, продолжавшемся третий год. Они упоминали о том, что не смогли добыть корм для кречетов и ястребов, которых они везли в подарок царю, и все

⁷ Алтын – номинал русской денежной системы; составлял от 3 до 6 копеек.

⁸ Ограмок – на Руси единица для определения количества сена, составлял приблизительно от 1 до 2 возов сена.

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

птицы погибли; рацион же самих послов был сильно урезан. Летом и осенью 1645 г., по свидетельству посланников Т. Караулова и Грязного Акишева, голод в Крыму продолжал свирепствовать: «хлеб и конский корм» не уродились, дождей не было вовсе, «жары великие, земля выгорела, а которой кормишко и был и тот саранча поела». Значительное число крымских татар откочевало за Перекоп в степи. Один из пленных «языков» в мае 1646 г. свидетельствовал в Посольском приказе, что в Крыму голод, и хлеб не родился уже шестой год [Новосельский, 1948, с. 313].

Частые неурожаи и голод вынуждали крымских татар идти в набеги, о чем свидетельствует и обращение крымского хана Мехмеда IV Герая к султану в 1644 г. за разрешением отправиться в поход на Москву: «Меженина, хлеб не родился четыре года и от того де они (татары) голодни» [Новосельский, 1948, с. 333]. В одном из донесений сотника астраханских стрельцов И. Лутовинова, захваченного татарами в плен весной 1646 г., говорилось, что «без войны де крымским и ногайским людям быть не уметь, изнеела их скудость и большой голод <...> и крымские де, и ногайские люди, и черные татаровя полоном хотят быть корыстны и войне ради» [Новосельский, 1948, с. 390]. В 1645 г., по словам послов Т. Караулова и Грязного Акишева, необыкновенная засуха уничтожила большинство посевов, а нашествие саранчи довершило бедствие: послы сообщали в Москву, что в Крыму «голод большой», какого не бывало, «как Крым стал». Московскую четверть хлеба покупали по 3 рубля, «да и купить негде и нечем»; митрополит Браиловский Мелетий писал в Москву, чтобы ожидали нового нападения татар, потому что в Крыму голод, и татары едят человечину [Новосельский, 1948, с. 342; Каптерев, 1914, с. 325].

Здесь следует заметить, что нашествия саранчи на земли Крымского полуострова продолжались и в последующие годы, при этом они носили регулярный характер. Так, например, немец Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен, состоявший на русской службе в конце XVIII в., писал в своих мемуарах о подобном нашествии, сообщая, что «двадцать второго августа 1791 года такое облако пролетало мимо места, где мы стояли лагерем с подразделением российской армии. Узнав об их приближении, я приказал войскам стрелять в тот момент, когда они окажутся на расстоянии выстрела. Это было сделано, но, не смотря на гибель тысяч насекомых, я не заметил, чтобы пролетавшее мимо облако хоть немного уменьшилось» [Храпунов, 2013, с. 462]. Некоторые из путешественников делали наблюдение, что магические действия, призванные истребить саранчу, совершали дервиши и муллы: с помощью якобы волшебной воды они призывали черных птиц, которые пожирали вредителей без остатка [Храпунов, 2013, с. 462]. Разумеется, достоверность этих сведений довольно сомнительна.

В связи с ослаблением Османской империи в XVII в. подвоз зерна из Египта в Крымское ханство, в котором был очередной неурожай из-за сильных зимних морозов, начал давать сбои. Во время шестой турецко-венецианской войны 1645–1669 гг. Стамбул в течение трех лет (1655–1657 гг.) был блокирован с юга, и султан Мухаммед IV Герай приказал везти хлеб из Крыма. Однако в 1657 г. на полуостро-

ве после суровой зимы и вынужденного военного бездействия вновь был голод: «в Крыму у татар многие конские и животинные стада з бескормицы померли. А почала быть в Крыму весна апреля с 1 числа» [Санин, 1987, с. 192]. В «Статейном списке бывших в Крыму посланников Романа Жукова и подьячего Лариона Пашина», отправленных на полуостров в феврале 1657 г., сообщалось, что цена осьмины⁹ ржи на бахчисарайском рынке составляла 50, 60, 80 копеек, и доходила до 1 рубля золотом [Санин, 1987, с. 192]. Караим Юсуп (=Юсуф, Иосиф) со слов турецких купцов сообщал, что в столице Оттоманской Порты цена на рожь достигала невероятного даже по тем временам предела в 8–9 крымских золотых (3 рубля русскими деньгами). «Таков де дорог хлеб, что за пять или за шесть денег человек не наестся. А по хлеб де и по соль посылают беспрестанно в Крым в Козлев город. И оттоле де в Царьград беспрестанно корабли приходят со пшеницею и с солью». Опасаясь голода в собственных владениях, Мухаммед IV Герай, вопреки фирману турецкого султана, запретил вывоз зерна под страхом смертной казни, а когда из Стамбула пришли 15 галер за хлебом и солью, крымский правитель приказал отгрузить только одну соль [Санин, 1987, с. 192]. Зерновым поставщиком Стамбула в Северном Причерноморье в подобных ситуациях становилась Бессарабия [Барабанов, 1993, с. 279]. В 1645 г. султан, в свою очередь, наложил запрет на доставку хлеба из Турции в Крым в связи с тем, что весь флот был задействован в средиземноморской войне [Новосельский, 1948, с. 342, 418].

О засухе, неурожаях и голоде на Крымском полуострове сообщал Равви Иаков бен Мордухай в 1685 г. Его сочинение было издано как приложение к книге «Иггерет а-викуах» («Послание спора»)¹⁰ Равви Ильи. В записках Равви Иакова бен Мордухая (очевидно, принадлежавшего к караимской общине Чуфут-Кале) приводилось несколько исторических заметок о событиях, произошедших на полуострове после участия крымского хана Мурад-Герая в венском походе в 1683 г. Тогда вновь наблюдалась кризисная ситуация в связи с неурожаем: «В этом году <1684> во время жатвы произошел голод в Крыму, в Румелии и в Молдавии. Говорят, что в последней стране такой был голод, что, увидев кого-нибудь приезжающего из чужой земли, бедные жители падали пред их лошадьми и умоляли, чтобы их взяли с собой, и что они будут рабами, лишь бы спаслись от голодной смерти <...> В Крыму голод начался в Августе месяце 1684 года, а в Мае и Июне месяцах 1685 года цена четверти пшеницы в Бахчи-Сарае доходила до 500, а в Карасу-Базаре до 880 левок¹¹» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 132].

⁹ Осьмина, осьминник – одна из основных мер сыпучих тел на Руси; в соответствии с «Положением о мерах и весах» Российской империи 1899 г., 1 осьмина равнялась 104,956 литра.

¹⁰ Текст трактата Равви Ильи перекликается с трудом испанского философа и поэта XIII в. Шмуэля Товии бен Йосефа Фалакеры (1225 – ок. 1290) «Иггерет а-викуах», посвященным проблемам взаимоотношений между философией и религиозными догматами [Giron-Negron, 2001, p. 66].

¹¹ «Левок», «левки» – распространенное в XVII в. в название голландского левендальдера (т.н. «львиный талер»).

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

«Я сам, – продолжал свое повествование автор заметок, – купил оку¹² муки за 12 левок, 6 июня 1685 года, в г. Кыр<к>-ер а в Карасу-Базаре платили за оку пшена и пшеничной муки по 15 левок, а за сарачинское пшено по 36 левок, слышно было, что в г. Кафе 30 и 25 драхм¹³ хлеба продавалось за 1 левку монет Селим-Гирей-Хана. Не только хлеб, но все съестные припасы были очень дороги; так, например: 12 волошских орехов продавалось за 1 левку. Селим-Гирей-Хан, видя, что не привозят в город хлеба, послал своих чиновников в деревни искать хлеба и увещевать, что, если находится у кого хлеб, пусть привозит на продажу и пощадит жителей от ужасов голода. Несмотря на то, что начали привозить и продавать, голод не облегчился, пока не помиловал Господь и не дал дождя. Бог внушил милосердие в сердце нашего общества города Кыр<к>-ер. Богатейшие хозяева призвали бедных и нищих, всякий по своему состоянию, да воздаст им Господь стократ за их доброе сердце!» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 133].

Далее Равви Иаков бен Мордухай сетовал, что 1686 г. был тоже неурожайным для всего полуострова: «четверть пшеницы продавалась ценою 400 левок, проса 240 левок: так дороговизна продолжалась до Ноября месяца 1687 года <...> Весь Декабрь этого года был очень дождлив. В течение же следующих двух месяцев не было ни дождя, ни снега; только 14 Марта 1688 года упал небольшой дождь, и с этого месяца началась возвышаться цена хлеба <.> 13 числа я заплатил за четверть пшеницы 180 левок, за четверть проса 728 лев: за оку муки 21 левок, по этой цене Козловский батман муки стоит 140 серебряных левок, что составляет 11,000 левок монеты Селим-Гирей-Хана, стоимость серебряной левки равняется 100 левкам медным, ока проса стоила 16 лев., ока сарачинского пшена 20 лев., ока соленой баранины 14 лев., ока не соленой 10, отрубей 8 лев. Говорят, что в деревнях ока муки продавалась 25 лев., а ока сена – 5 и 6 лев., ока коровьего масла 50 лев., свечного сала 40 лев; бекмеза (сырых овощей) 18 лев., четверть ржи 800 лев., десяток волошских орехов 1 левок, за провоз четверти пшеницы из Козлова в Бахчи Сарай 90 левок. Весною того года овца с ягненками стоила 170 лев., коза с козлятами 150 лев., корова 7 червонцев» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 133].

Описывая несчастья, которые выпали на долю населения, автор заметил, что «многие из Татар питались кровью животных и падалью, рассказывали, что ели даже человеческое мясо, потому что многие умирали с голоду на улицах и на рынках, и во всех дворах был плач и стон. Нищих, просящих милостыню по домам, было бесчисленное множество. В этом году вещи золотые, серебряные, медные и разные платья продавались за бесценок. Известный вес золота отдавали за 70 и даже 60 левок, а серебра 50 и 60 левок, око меди 40 и 35 лев: многие распродали все свои дорогие вещи для доставления себе хлеба, и сделались очень бедными и ходили по домам просить милостыню. Из бедного же народа очень много померло от голода; некоторые из

¹² Ока, окка – мера веса в Крымском ханстве; 1 окка – 1283 грамма.

¹³ Драхма – мера веса, равная 1,5 золотника, т.е. около 6,39 грамма.

них, по большей части деревенские жители, валялись по улицам без погребения» [Несколько исторических заметок, 1856, с. 134].

Наиболее опустошительным и катастрофическим по своим последствиям бедствием, неоднократно имевшим место на территории Северного Причерноморья на протяжении всей его истории, были вспышки эпидемии чумы. Как известно, одна из крупных пандемий этого заболевания была зафиксирована в XIV в.: в 1346 г. чума была занесена в Крым из Восточного Китая, а затем – в Европу. Путешественник де-Мюсси, который находился в то время в Каффе, сообщал, что в Причерноморье «вымерли бесчисленные племена татар и сарацинов от неожиданной необъяснимой болезни... Огромные пространства земли опустели, наиболее населенные города почти обезлюдели» [Васильев, Сегал, 1960, с. 27]. Татары осадили Каффу, принадлежавшую в то время генуэзцам, однако в течение 3 лет не могли его взять из-за появления в войске смертельной эпидемии, ежедневно уносившей множество жизней. Осаждавшие с помощью метательных машин стали перебрасывать в осажденный город трупы людей, умерших от болезни. В городе началась паника, и генуэзцы, оставив его, вынуждены были спастись морем. Далее де-Мюсси сообщал, что по пути на родину среди беженцев началась ужасная эпидемия: из тысячи в живых осталось не более 10 человек. «Родные и друзья и соседи поспешили к нам... но мы принесли с собой убийственные стрелы, при каждом слове распространяли мы свой смертный яд». Таким образом в 1337 г. чума была занесена в Италию, и в 1348 г. распространилась во всех прибрежных городах Средиземноморья. «Того же лета казнь бысть от бога под восточною страну на город Орначь, и на Хозторокань, и на Сарай, и на Бездеж, и на прочие грады во странах их, – сообщала Воскресенская летопись 1346 г. – бысть мор силен на Бесермены и на Татары, и на Ормены и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всех тамо живущих яко не кому их погребати» [Васильев, Сегал, 1960, с. 27, 28]. По разным данным, тогда от пандемии чумы погибло от 14 до 25 млн человек. В 1351 г. новая вспышка чумы поразила Польшу и Русь, после чего еще несколько лет спустя в Европе фиксировались ее проявления.

Как уже было сказано выше, эпидемии чумы опустошали Крымский полуостров и в XVII в. После эпидемии 1628–1629 гг. болезнь вновь появилась в Крыму в 1636 г.: тогда из-за угрозы распространения в Крыму «морového поветрия» не были допущены в Москву и подвергнуты карантину в Ливнах и Осколе крымские гонцы, ранее посланные к крымскому хану с дипломатической миссией [Васильев, Сегал, 1960, с. 52]. В 1680 г. для заключения соглашения о перемирии между Турцией, Крымским ханством и Россией по результатам войны 1676–1681 гг. в Крым направились русские посланники: резидент в Польше стольник и полковник Василий Тяпкин, дьяк Никита Зотов и генеральный писарь Войска Запорожского Семен Ракович. 22 октября 1680 г. в с. Азетмале их встретил «бея разменного»¹⁴ при-

¹⁴ «Разменный бей» – вельможа, отвечавший в Крымском ханстве за обмен пленными и занимавшийся их выкупом.

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

сланный татарин и посольского двора сторож» Джумалей и, для начала расспросив о состоянии здоровья русских послов, сообщил, что ему было велено их принять и проводить, «не занимаючи Бахчисарая, на реку Алму, на посольской старой стан, от Бахчисарая в 10 верстах, для того, что Хан сам вышел из Бахчисарая, живет бегаючи от морового поветрия, на той же реке Алме, в деревне, недалеко от посольского стану» [Статейный список, 1850, с. 32, 33]. Предосторожности в отношении посольской миссии были обоснованы тем, что с 1674 по 1684 г. очаги эпидемии чумы были отмечены в ряде стран Европы (в частности, в европейской части Османской империи, Польше, Галиции, Австрии и Германии). Массовые случаи заболевания происходили и в самом Крыму – из числа сопровождавших посольскую свиту «государевых людей померло язвою 12 человек» [Васильев, Сегал, 1960, с. 73]. При этом, описывая условия своего пребывания в ханской ставке, В. Тяпкин и Н. Зотов сообщали, что «кормов нам и лошадям нашим ничего не давали, и купить с великою нуждою хлеба и ячмени и соломы на силу добывали и то самую высокою ценою» [Статейный список, 1850, с. 34].

Подписание Бахчисарайского договора крымским ханом Мурад-Гераем и русскими посланниками состоялось 13 (23) января 1681 г. При этом любопытны некоторые подробности самой церемонии – в соответствии с дипломатическим протоколом, грамота, направленная русским царем через посла, должна быть вручена хану лично в руки; тем же образом вручались грамоты хану от русских послов. В. Тяпкин и Н. Зотов в ответ на требование ханского аталыка¹⁵ и разменного бея, явившихся в посольский стан и потребовавших царскую грамоту для передачи ее хану, заявили, что «прежде Ханова В-<еличест>ва, с грамотою Великого Государя, к ближним его людям ни к кому не пойдём, и мимо его Ханских рук никому из ближних его людей Великого Государя нашей грамоты не дадим» [Статейный список, 1850, с. 35–37]. Тем не менее после того, как в момент подписания договора Мурад-Герай приложил печати к «шертной своей и Салтанова В-<еличест>ва грамотам», хан распорядился передать документы послам одному из приближенных, Агмет-Аге. При этом он заявил В. Тяпкину, «чтоб мы посланники Ц-<арско>го В-<еличест>ва о приеме тех грамот не из его Ханских рук не оскорблялись и не спорывались для того, что самому его Ханову В-<еличест>ву из своих рук, для страху морового поветрия отдать не годится; а не для какой гордости и нелюбви. А когда-де было от морового поветрия бесстрашно, и тогда-де его Ханово В-<еличест>во не токмо государские грамоты и письма ваши посольские принимал у вас своими руками, и договоры посольские с вами чинил своею особою, чего при прежних Крымских Ханах от века не бывало» [Статейный список, 1850, с. 222, 223]. Точно так, не лично в руки, а через Агмет-Агу крымскому хану были переданы и грамоты, подписанные русскими послами.

По возвращении посольства В. Тяпкина и Н. Зотова они сразу не были допуще-

¹⁵ Атылык (букв.: «заступающий место отца») – титул, которым владел воспитатель, «дядька» крымского хана.

ны в Москву, «потому что от морового поветрия во всех государствах имеют великое опасенье»; писарю же Семену Ракову было предписано отправляться в Сечь к гетману Самойловичу, не заезжая в Москву, т.к. он проходил вместе с послами «заморными местами» [Васильев, Сегал, 1960, с. 73]. Остальным членам посольства было приказано в качестве противоэпидемического мероприятия «Салтана Турского и Крымского Хана шертные грамоты перевести чрез огонь» для предотвращения возможного распространения болезни. Данная предосторожность была вызвана последствиями одной из самых страшных эпидемией чумы XVII в., которая вспыхнула в Москве в августе 1654 г. и продолжалась до 1657 г., распространившись и на другие территории государства. До наступления зимы 1654 г. значительная часть населения Москвы и окрестных деревень вымерла (всего погибло около 300 тыс. – 350 тыс. человек). В целях профилактики распространения заболевания врачи советовали окуривать помещения дымом сжигаемого можжевельника или полыни – средство, которое продолжали использовать и в конце XVIII в. для борьбы с опасной болезнью.

На дорогах, ведущих в города или области, где возникла угроза эпидемии, устраивали специальные заставы и засеки (их создание фиксируется в русских летописях серединой XVI в.) [Васильев, Сегал, 1960, с. 75–77]. Например, в Цареве Борисове (город на месте впадения р. Бахтин в р. Оскол на территории Слободской Украины) была учреждена особая «сберегательная» застава, где приезжие останавливались и окуривали свое имущество; что касается послов, то они должны были сжигать старые бумаги, а привезенные документы передавать по назначению лишь после осуществления процедуры окуривания; с теми же, кто прибыл из «заморных мест», переговоры велись с «великим пристрастием», «издалека», «не сходясь» или «через огонь», причем допрашивающий во избежание заражения должен был находиться на расстоянии слышимости человеческого голоса [Статейный список, 1850, с. 266; Васильев, Сегал, 1960, с. 77]. Например, все переговоры В. Тяпкин и Н. Зотов вели по возвращении «не сходясь» с подьячим Прокофьем Возницыным; после чего членам посольства было велено ехать «со всеми людьми в Тульскую или в Веневскую свою деревню» [Статейный список, 1850, с. 266, 267]. По окончании карантина В. Тяпкин и Н. Зотов, ободренные выплаченным им «взыскательным жалованьем <...> чтоб в задержанье своем для опасения морового поветрия не оскорблялись», представили царю Федору III Алексеевичу подробный отчет о завершении дипломатической миссии, в котором отдельно упомянули и о «мором в Крыме будущем поветрии» [Статейный список, 1850, с. 265, 282].

Что касается соблюдения профилактических противочумных мер, то за самовольный обход застав и игнорирование запретов нарушителей жестоко наказывали; тех же, кто бежал из охваченных чумой городов и у кого на заставах выявляли болезнь, было приказано ловить и жечь: «а которые люди побегаша из града и тех беглецов имаша и жгаша» [Васильев, Сегал, 1960, с. 48, 49]. Подобные карантинные мероприятия на Руси осуществлялись и ранее, в XVI в., о чем сообщал посол в Московии С. Герберштейн [Герберштейн, 1988, с. 133].

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

Угроза распространения эпидемии чумы на территории Крымского полуострова сохранялась в 1704 и в 1725–1730 гг., когда она охватила Стамбул и некоторые другие регионы Османской империи; особенно сложным положение было в 1726 г., когда эпидемия приняла угрожающие масштабы [Васильев, Сегал, 1960, с. 94, 101, 102]. Несмотря на принятые меры предосторожности, болезнь все же проникла в Крым в ноябре 1727 г. Верховный тайный совет Российской империи получил сведения о том, что «в Крым есть <...> великий мор <...> и для этого турки <...> еще в летнее время из Крыма выехали» [Васильев, Сегал, 1960, с. 102].

Первая половина XVIII в. охарактеризовалась новым усилением борьбы западноевропейских держав, России и Турции за раздел сфер влияния в Северном Причерноморье. Геополитические претензии Российской империи, заинтересованной в укреплении своего торгового и экономического потенциала, приобретали конкретные формы. В 1735 г. неудачную попытку военного похода на Крым предпринял генерал-лейтенант М. Леонтьев. Армия, в которой насчитывалось 39 795 человек, из которых большинство было «нерегулярного войска», и 46 орудий, выступила в поход 1 октября. Однако ухудшение погодных условий, а также начавшиеся в войсках болезни людей и падеж лошадей вынудили командующего русской армией принять решение о возвращении: полки находились в очень плохом состоянии; в походе было потеряно около 9000 человек и столько же лошадей. Подавляющее большинство потерь являлись небоевыми – от болезней, голода и т.п. [Турецкая война, 1878, с. 256].

Во время русско-турецкой войны 1734–1739 гг. генерал-фельдмаршал Бурхард Кристоф Миних 21 мая 1736 г. взял Перекоп и вступил на Крымский полуостров. 5 июня 1736 г. его войска овладели Гёзлёвом, где захватили значительную добычу. Наступление было продолжено, и 16 июня 1736 г., когда Миниху удалось овладеть столицей Крымского ханства – Бахчисараем, в котором были «как дворец, так и город обращены в пепел», все местные жители были вынуждены, побросав свои дома и большую часть имущества, бежать в горы [Турецкая война, 1878, с. 256; Манштейн, 1810, с. 248]. Затем та же участь постигла и Ак-Мечет; Б.К. Миних планировал направить войска к Кефе, однако стоявшие в это время года на полуострове «сильные жары, породившие множество опасных болезней, заставили его возвратиться к Перекопу» [Турецкая война, 1878, с. 256; Манштейн, 1810, с. 250, 251]. Противник же, полагая, что армия Б.К. Миниха далее двинется к Кефе, фактически опустошил окрестности города и сжег все села. Очевидец описываемых событий сообщал, что местные жители-татары, скрываясь от российской армии, «выжигали сами деревни и истребляли все, даже воду, чтобы лишить Русских возможности достать себе что-либо на возвратном пути» [Турецкая война, 1878, с. 256; Манштейн, 1810, с. 251]. Генерал-майор прусской службы Кристоф Герман Манштейн, состоявший в действующих частях российской армии и закончивший русско-турецкую войну 1734–1739 гг. адъютантом Б.К. Миниха, отмечал, что крымские татары, оставляя свои позиции, не только уничтожали весь провиант, но и забрасывали колодцы с водой нечистотами [Манштейн, 1810, с. 243, 244, 310]. По словам адъютанта генерал-майора Карла

Бирона, за один только хлеб и «за худой окорок» он вынужден был заплатить 6 рублей; «многие и немолотый хлеб жарили и так его ели; а иные ели и совсем сырой», что, естественно, не могло не привести к отравлениям и возникновению инфекционных заболеваний [Турецкая война, 1878, с. 261, 262]. Дефицит наблюдался и в отношении фуража для лошадей. Разумеется, при жаркой летней погоде недостаток питьевой воды и припасов отрицательно сказался на санитарном состоянии армии.

Несмотря на локальные успехи, серьезно укрепиться в Крыму российским войскам не удалось; из-за недостатка воды и начавшейся эпидемии болезней Б.К. Миних утратил почти половину армии: из 30 000 выбывших из строя боевые потери составили менее 2000 человек [Манштейн, 1810, с. 258]. В августе русская армия покинула Крымский полуостров. В связи с большими потерями и недостатком фуража Б.К. Миних отказался от нового похода в Крым осенью того же года. «Для русской армии всего менее были страшны турки и татары, – резюмировал по этому поводу Манштейн. – Гораздо губительнее действовали на нее голод, жажда, постоянные труды и переходы в самое ужасное время года», осложнявшиеся к тому же изнуряющей жарой на полуострове [Манштейн, 1810, с. 260, 277, 278; Турецкая война, 1878, с. 262].

В 1737 г. новый поход в Крым осуществил генерал-фельдмаршал Петр Петрович Ласси, войскам которого удалось захватить Карасубазар; город также «разграбили и обратили в пепел», после чего разорению подверглись и окрестные села [Манштейн, 1810, с. 353]. Новая эпидемия чумы была занесена на юг Украины в 1738 г. (по некоторым сведениям, болезнь распространилась из Валахии и достигла Белгородской и Курской губерний) [Васильев, Сегал, 1960, с. 102, 108]. Во время кампании 1738 г. в районе боевых действий у крепости Бендеры погибло две трети гарнизона крепости Очаков, находившейся под контролем российских войск, только в январе 1738 г. умерло более 1000 человек. В мае умерло 1080 человек, а в июне – 642 [Васильев, Сегал, 1960, с. 102, 113]. К.Г. Манштейн констатировал, что в Кинбурне и Очакове «язва водворилась <...> и причиняла ужаснейшие в них опустошения» [Манштейн, 1810, с. 422]. Осаду турками Очакова сопровождали недостаток в пище у гарнизона и антисанитария, вызванная гниением трупов людей и павшего скота [Манштейн, 1810, с. 363]. Весьма редко выпадали и осадки, в связи с чем растительность в степи высохла, поэтому ощущался серьезный дефицит корма для лошадей. Кроме того, татары поджигали степь и части российской армии вынуждены были делать по нескольку переходов в поисках корма для лошадей и для рогатого скота [Манштейн, 1810, с. 344, 413].

В результате из 8-тысячного российского гарнизона в конце сентября 1738 г. насчитывалось только 5000, из которых 1000 составляли больные. Многие рекруты из числа новобранцев, присланные в гарнизон Очакова, «помирали все подобно мухам» [Манштейн, 1810, с. 421, 422]. Вскоре из контингента пяти стоявших в Очакове российских полков в живых осталось только 300 человек [Васильев, Сегал, 1960, с. 113]. Для того, чтобы обезопасить остатки войск в Кинбурне и Очакове от дальнейшего распространения эпидемии, российское командование было вынуждено оставить

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

эти крепости. Боевые потери вновь были несопоставимы с тем, что в армии находилось множество больных, «из коих большая часть померла»; погибло огромное количество лошадей и крупного рогатого скота [Манштейн, 1810, с. 412]. Проведение противоэпидемиологических мероприятий российскими властями позволило приостановить дальнейшее распространение инфекции в глубь страны, однако некоторые небольшие города и населенные пункты в ходе эпидемии практически полностью обезлюдели [Васильев, Сегал, 1960, с. 107–112; Манштейн, 1810, с. 423, 424].

В июне 1738 г. П.П. Ласси вновь предпринял наступление на Крым. Подойдя в июне к Перекопу и овладев его укреплениями, генерал-фельдмаршал направил войска в глубь полуострова, однако найдя его в «худом состоянии и почти вовсе необитаемым» (крымские татары вновь применили тактику выжженной земли перед наступающей русской армией), вскоре был вынужден повернуть назад из-за недостатка продовольствия [Манштейн, 1810, с. 416–418]. В сентябре 1739 г. в одном из полков российской армии, вернувшейся из крымского похода, были зафиксированы 43 случая заболевания «моровой язвой»; 5 из них закончились летальным исходом [Васильев, Сегал, 1960, с. 113]. В 1747 г. и в 1753–1755 гг. в Турции были очередные вспышки чумы, в связи с чем российскими властями был издан указ об учреждении застав «на Дону от войска, в степи к морю и на Кубанской и Крымской стороне» и карантина в Таганроге; в 1765 г. сообщалось о появлении в Крыму «опасной на людях болезни». Начальникам и командирам застав было приказано, чтобы они с «приезжающими во время поветрия татарскими и из Турции народами поступали с крайней предосторожностью» [Васильев, Сегал, 1960, с. 115, 116].

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. вспышки таких эпидемических заболеваний, как тиф, дизентерия, малярия и чума, были отмечены среди военнослужащих турецкой армии; распространение чумы среди русских солдат и офицеров (часто с летальным исходом) наблюдалось после взятия российской армией Галаца в 1770 г. Источником заражения могли стать турецкие военнопленные или захваченные у неприятеля трофеи. В специально организованном русском командованием госпитале в Яссах от чумы умерло несколько тысяч солдат (из 5 полков осталось в живых лишь 200 человек); также было инфицировано и умерло значительное число жителей городов Яссы и Батуманы; в дальнейшем эпидемия распространилась и на другие территории (например, болезнь свирепствовала в Нежине, Хотине, Киеве, Таганроге, Москве), и длилась она до 1773 г. [Васильев, Сегал, 1960, с. 118–122, 124].

Распространение чумы из Египта и Малой Азии вновь пришлось на 1783 г.; из Турции болезнь была занесена в Херсон, Кременчуг и Дубоссары [Васильев, Сегал, 1960, с. 156]. О последствиях эпидемии сообщали многие авторы того времени: например, барон Шарль де Бар писал, что болезнь унесла жизни значительного числа крымских жителей и свирепствовала на Таманском полуострове [Храпунов, Гинькут, 2015, с. 416, 420]. Шарль-Жильбер Ромм, посетивший Кременчуг в 1786 г. и встретившийся там с дивизионным врачом российской армии Д.С. Самойловичем

(Сушинским) (последний был вскоре назначен «главным доктором при карантинах», созданных в соответствии с императорским указом 6 июня 1793 г., и отвечал за санитарную безопасность Новороссии и Крыма) [Васильев, Сегал, 1960, с. 142], привел подробное описание применявшихся в то время методов борьбы с этим заболеванием [Ромм, 1941, с. 19, 20]. О роли Д.С. Самойловича, «описавшего признаки чумы, которую он, кажется, изучил лучше, нежели кто-либо иной до него», писал и Франсиско де Миранда [Миранда, 2001, с. 90]. По заключению последнего, Д.С. Самойлович был весьма изобретателен в проведении микроскопных исследований, «его теория является чрезвычайно убедительной, а рекомендуемые им прививки вполне доступны» [Миранда, 2001, с. 91].

В июне 1783 г. генерал-губернатор Новороссийского края Г.А. Потемкин, извещенный о том, что на второй почтовой заставе от Салгира по направлению к Перекопу вновь наблюдалось распространение «моровой язвы», распорядился максимально ограничить контакты почтовых курьеров с населением (а для приобретения провианта и фуража у местных жителей от каждого полка назначалось по несколько человек, которые должны были быть, в целях санитарной безопасности, расквартированы в отдалении от своего воинского подразделения); инфицированные подвергались немедленному карантину [Мурзакевич, 1881, с. 270, 288, 289].

Г.А. Потемкин напомнил вновь о строгом соблюдении карантинных мер в ордере от 1 января 1783 г. на имя командующего русскими войсками в Крыму графа Антона Богдановича де Бальмена в связи с «открывшейся в прибывшем из Керчи Азовском пехотном полку заразе», в результате чего умерло 66 человек (причиной распространения болезни стало бесконтрольное перемещение местных рыбаков по Керченскому проливу между Таманским и Керченским полуостровом). Правитель Новороссии распорядился, чтобы вещи зараженных были уничтожены, а личный состав Азовского пехотного полка был подвергнут карантину; допустивший проникновение чумы обер-комендант Филисов был смещен, а на его место определен генерал-майор А.Г. Розенберг. В дальнейшем командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.А. Клокачеву вменялось в обязанность заботиться о «возможном сбережении людей и о предосторожности от язвы, часто в том краю бываемой». В свою очередь, начальнику воинского гарнизона Перекопской крепости было сделано распоряжение организовать врачебный досмотр всех лиц, прибывающих на территорию полуострова с материка, и в качестве противоэпидемиологической меры осуществлять окуривание въезжавших в Крым, а также принадлежавших им вещей, о чем предлагалось делать специальную отметку в проездных документах; инфицированных приказано было изолировать, а умерших – «зарывать глубоко в землю со всем платьем их, сжигать оставшееся после зараженных». По всей линии черноморского побережья до Сиваша учреждалась пограничная стража, которая обязана была следить за тем, чтобы никто не мог покинуть Крымский полуостров без разрешения и специального досмотра. Графу А.Б. де Бальмену следовало ежедневно рапортовать Г.А. Потемкину об эпидемиологическом состоянии

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

вверенной его юрисдикции территории, а также о числе лиц, проезжающих через Перекоп [Мурзакевич, 1881, с. 257, 258, 260, 262, 263, 264].

В июне 1783 г. назначенному обер-комендантом Перекопской крепости полковнику Фридриху фон Фоку правитель Новороссии подтвердил ранее сделанные указания о «хранении строгих предосторожностей от заразной болезни»; аналогичные распоряжения были даны в августе 1783 г. и назначенному на пост командующего российскими сухопутными и военно-морскими силами в Крыму барону Осипу Андреевичу Игельstromу [Мурзакевич, 1881, с. 276, 278, 281, 283, 288, 292]. В отношении лиц, прибывших из Константинополя должен был выдерживаться строгий шестинедельный карантин, а бесконтрольное передвижение по морю лодок – всячески пресекаться. Строгие меры контроля приказано было осуществлять и по отношению к турецким судам, оказавшимся в результате непогоды и штормов вблизи берегов Крымского полуострова, не допуская возможные контакты экипажей с местными жителями (что объяснялось также предосторожностями политического характера) [Мурзакевич, 1881, с. 305, 329].

Особенное внимание, по мнению Новороссийского генерал-губернатора, должно было быть уделено рациону питания российских войск: им предписывалось избегать излишеств в еде, а для заболевших в числе основных мер назывались «чистота, опрятство, уксус для опрыскивания и для питья с водою и говядина», а также горячее вино. В качестве средства для санитарной обработки личного состава войск и их вещей использовались дегтярное мыло и порошок для окуривания, подробные инструкции по применению которых Г.А. Потемкин направил в январе 1784 г. барону О.А. Игельstromу для последующего доведения до подчиненных [Мурзакевич, 1881, с. 294, 295]. Среди военнослужащих и местных жителей проводилась разъяснительная работа по соблюдению правил к предотвращению заражения [Мурзакевич, 1881, с. 262, 263, 283, 303].

И хотя в сентябре 1784 г. правитель Таврической области Василий Васильевич Каховский докладывал правителю канцелярии Г.А. Потемкина В.С. Попову о том, что на территории полуострова «нет заразной болезни», тем не менее вскоре стали поступать сообщения о случаях заражения – так, например, в Ак-Мечети умерло 28 отставных солдат, 3 чиновника канцелярии, 1 купец, а 7 служащих были опасно больны (в том числе и вице-губернатор области А.А. Лангель). В связи с этим В.В. Каховский просил В.С. Попова прислать к нему опытных лекарей для зачисления в штат правления. Вскоре распространение болезни удалось локализовать, и правитель Таврической области в октябре 1785 г. сообщал, что «благодаря Всевышнего, в Симферополе не умирают», а в начале 1786 г. 22 человека из собственного окружения В.В. Каховского, ранее заразившиеся, пошли на поправку [Письма правителя, 1877, с. 237–239, 248, 257].

В 1785 г. вспышка эпидемии чумы наблюдалась уже в Очакове, поэтому князь Г.А. Потемкин в своем ордере от 6 декабря 1785 г. на имя В.В. Каховского распорядился, чтобы «по таковой близкой в рассуждении смежности Очакова с вверенною

Вам Областию опасности имеете Вы принять все потребные предосторожности к отвращению сего зла от пределов Российских, усугубив особливо бдение карантинной стражи». 19 июня 1786 г. Г.А. Потемкин вновь сообщал В.В. Каховскому о появившейся в «Шио, в Родосе, в Кипре, в Сирии и во многих других местах заразной болезни» и рекомендовал Таврическую область «оградить строгим бдением, дабы зло сие не могло каким-либо образом туда вкратиться» [Киреенко, 1888, с. 3, 29]. Общая продолжительность эпидемии чумы на Крымском полуострове, которая то затихала, то вспыхивала вновь, составила около года (с 1784 г. до середины 1785 г.) [Киреенко, 1897, с. 14; Мурзакевич, 1881, с. 286].

Одним из обстоятельств, серьезно осложнивших деятельность российских властей по организации работы вновь созданных государственных учреждений после присоединения Крыма к России, стала эпидемия инфекционных болезней, вспыхнувшая в новой столице Таврической области – г. Симферополе в 1786–1787 гг.: «Многими это место считалось нездоровым, лихорадочным к реке, и многие из его обитателей, военных и гражданских служащих, переболели» [Маркевич, 1924, с. 42]. «Желчевой горячкой», или гепатитом заразился командующий российскими сухопутными и военно-морскими силами в Крыму Михаил Васильевич Каховский – брат правителя области вместе с супругой [Письма правителя, 1877, с. 248, 257, 258].

В 1793–1795 гг. «морозная язва» вновь охватила территории Турции, Венгрии, Валахии, Трансильвании, Боснии, Герцеговины, Сирии и Галиции [Васильев, Сегал, 1960, с. 156, 157]. А в мае 1796 г. правитель Таврической области С.С. Жегулин направил на Фанагорийский остров (Таманский полуостров)¹⁶ начальника Таврического карантина надворного советника Ивана Гохфельта, а также председателя 2-го департамента Таврической областной верхней расправы коллежского асессора Петра Ванникова, судью Симферопольской нижней расправы капитана Ивана Михайлова и ряд других чиновников в связи с «открывшейся там в разных местах опасной болезнью <...> дабы далее пагубное зло опасности сей далее не распространилось» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. Л. 1, 1 об., 3, 6].

Для предохранения от распространения эпидемии на территории Крыма были созданы карантинные заставы от Керчи и Еникале до оконечности Арбатской стрелки и Мариуполя, о чем сообщалось в донесении ратмана Боспорского городского магистрата в Таврическое областное правление. Было приказано воинским чинам строжайше «никаких лодок не пущать до берегу», а торговым и рыболовным судам воспрещалось хождение по Керченскому проливу. Всем жителям Керчи и Еникале предписывалось пройти медицинское освидетельствование на предмет выявления инфекции; кроме того, было опубликовано распоряжение, что без ведома Боспорского магистрата никто из жителей Керчи и Еникале не должен был покидать

¹⁶ После присоединения Крыма к России в 1783 г. все земли Кубанского, или Черноморского казачьего войска были разделены на пять округов, один из которых был назван «Фанагорийским в Тамани для Фанагорийского острова» [Щербина, 1910, с. 550].

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

место проживания; населению также запрещалось общение «с посторонними людьми». При совершении торговых сделок предписывалось проводить предварительную санитарную обработку денег (монет и купюр) уксусом [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. Л. 10, 10 об.].

Д.С. Самойлович, которому была поручена ликвидация этой эпидемии, констатировал, что инфекция получила распространение и из-за непрофессионализма некоторых должностных лиц, а именно «нерадением начальствующего на Бугасе над флотилией капитана Данильченко, тут же язвою и умершего; а паче, что нарушал он непозволительное сообщение в Анапу, посредством сего сообщения нанесена оттоль была зараза смертоносная и на Бугас, где и оказалась промеж казаками, служащими во флотилии» [Васильев, Сегал, 1960, с. 157].

Деятельность некоторых российских чиновников, направленных на Тамань, также не способствовала оперативному решению поставленной задачи: один из них, «не быв во всем сведущ», по прибытию в Еникале потребовал у командовавшего местными Вятского мушкетерского полка генерал-майора И.И. Спета отрядить для охраны команды егерей и донских казаков. Затем приказал запереть церковь, а всех жителей, кроме «торгашей и кабатчиков», – выслать из города в карантинный лагерь. После этого он приказал сжечь все дома в городе, в которых когда-либо была чума, и даже корабли черноморской флотилии и амбар, где хранились запасы этой флотилии. Кроме того, был издан приказ сжечь на рыбных заводах невода, веревки, икру в бочках и уже завяленную рыбу [Васильев, Сегал, 1960, с. 157].

В с. Стеблиевском одежда всех поселенцев была снесена в одну избу, которую затем сожгли вместе с одеждой. В домах, в которых хозяева отсутствовали и клетки были заперты, сбивались замки и сжигалось все имущество: книги, оружие и даже жемчуг. Ответной реакцией местного населения на происходившее стала паника: жители прятали свое имущество в камышах, зарывали в землю и разбегались «повсюду, где казалось токмо что возможно сим будет сыскать средство избегнуть огненного истребления всему имуществу своему». Таким образом чума была разнесена по всем населенным пунктам, расположенным неподалеку от Тамани [Васильев, Сегал, 1960, с. 157].

Д.С. Самойлович, направленный в Тамань, писал: «Город был найден отовсюду стражею окруженным и аки бы неприятелем опустошенный». Дома и все улицы заросли бурьяном, везде горели «куровища», наводившие страх и уныние. Все окна и двери в домах были открыты и «ужас токмо сверхъестественный сим причиняли». Карантинный лагерь, куда согнали жителей, являл собой удручающее зрелище: «Старики, не ведая, где от жестокости стихий прикрыться, а матери – как своих детей предохранять новорождающихся». Приступив к ликвидации эпидемии, Д.С. Самойлович приказал очистить все здания, скосить бурьян на улицах, а горожан отпустить по домам. «Куровища» на улицах и площадях были залиты, дома приведены в порядок и побелены, окна и двери вставлены, «через что весь город как будто расцвел» [Васильев, Сегал, 1960, с. 158].

Наблюдение за наведением порядка было возложено на квартальных смотрителей, а сам город – разделен на кварталы. После проведения профилактических мероприятий в Тамани Д.С. Самойлович отправился в Бургас, где в лагере находились казаки Черноморской флотилии. Казаков перевели в Тамань, причем тех из них, у кого было выявлено подозрение на инфекцию, помещали в карантин, а «зачумленных» отправляли в больницу. В карантин и в больницы были определены подлекари и надзиратели. В это же самое время, по свидетельству Д.С. Самойловича, чума появилась в Екатеринодаре и нескольких селениях Екатеринодарского уезда [Васильев, Сегал, 1960, с. 158].

15 августа 1796 г. правитель Екатеринославского наместничества генерал-поручик И.И. Хорват уведомил С.С. Жегулина, что 40-дневный карантинный срок противоэпидемиологических мероприятий закончился, и по его окончании «благодарение Богу, в Фанагории, его округе и во всех черноморских селениях миновавшей заразительной болезни не открылось». Участвовавшие в ликвидации эпидемии главный доктор карантин Новороссийской губернии Д.С. Самойлович и надворный советник фон Л.Я. Матиас (смотритель Очаковского карантина) объявили местным жителям о возобновлении «с Тавридою и соседними губерниями сообщения» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. Л. 16].

Последующие вспышки эпидемии чумы наблюдались в 1797 г. в Одессе и Каменец-Подольске, в 1799 г. – в Дубоссарах, и в 1799 г. – в Елисаветграде и в Феодосии [Васильев, Сегал, 1960, с. 158; Васильев, 2009, с. 8–13]. В ликвидации их последствий деятельное участие принимал Д.С. Самойлович. В 1799 г. в Феодосию прибыло купеческое судно из Константинополя, на котором в пути умерло от чумы 6 матросов, а один «смертозачумленный и зельми трудноболезнующий» был снят с судна в Феодосии и помещен в феодосийский карантин, где затем и выздоровел. Других случаев заражения чумой в городе отмечено не было. В 1800 г. карантинная служба в России была реорганизована [Змерзлый, Воронина, 2014, с. 24–32].

Суровым испытаниям подвергалось население во время происходивших на Крымском полуострове в разные эпохи землетрясений. В дневнике Хачатура Кафаеци, жившего в Кефе в XVII в., имеется упоминание о 9 землетрясениях, произошедших на Крымском полуострове в период с 1615 по 1656 г., причем наиболее сильное из них (магнитудой до 8 баллов) отмечалось 5 июня 1615 г. В этот день, по словам Х. Кафаеци, «было землетрясение в городе Каффа: развалилась стена (городская), затряслась земля, развалились дома, заколебалась земля, изумились твари, плакали женщины, кричали дети, поднялось море, заколыхалось и пошло обратно» [Никонов, 1986, с. 79; Хапаев, 2008, с. 94]. По заключению А.А. Никонова, последствия этого землетрясения (т.н. «афтершоки») фиксировались еще на протяжении более чем 40 лет (в 1617 г., в 1618 г. – трижды, а также в 1619, 1640 и 1656 гг.) [Никонов, 1986, с. 80, 81]. Катастрофические последствия имело и крымское землетрясение, произошедшее в мае 1626 г., о котором сообщали Х. Кафаеци и турецкий историк Абдуллах ибн Ризван: «земля разверзлась, горы и скалы столкнулись друг

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

с другом и сползли вниз», причем в тот же год, по словам Абдуллаха ибн Ризвана, в Крыму был голод от неурожая, что подтверждается и свидетельством русского посла Петра Савелова, о котором упоминалось выше [Никонов, 1986, с. 80; Хапаев, 2008, с. 94; Савелов, 1906, с. 7, 10, 71, 72].

В период с 31 декабря 1785 по февраль 1786 года в районе деревни Кучук-Кой наблюдались активные сдвиги грунта, в результате чего произошел крупный оползень, приведший в итоге к уничтожению самой деревни и ее сельскохозяйственной округи. Данное событие нашло отражение в сообщениях ряда авторов, а также в официальной переписке местных властей. В частности, в рапорте прапорщика Абдулы Мемешева, направленного правителем Таврической области В.В. Каховским для выяснения обстоятельств происшествия, речь шла о том, что в течение нескольких дней в районе Кучук-Коя «обваливались пригорки и скатывались вдоль деревни», было разрушено 2 мельницы. 13 февраля 1786 г. поверхность земли «начала трескаться и расседаться настолько, что в этот же день ручей, приводящий в действие две маленькие татарские мельницы, исчез в этих расселинах. Два дня спустя, после того как земля все более и более трескалась и татары, живущие поблизости, от страха покинули жилища со своим скотом и имуществом, вся площадь земли между описанными оврагами, от высокого гребня скал до моря на протяжении приблизительно 900 саженой, или почти двух верст, и от 350 до 500 саженой в ширину, около полуночи обрушилась с страшным грохотом; это обрушение продолжалось до 28 февраля и образовало провал глубиной от 10 до 20 саженой» [Паллас, 1881, с. 146]. В результате в деревне было уничтожено 8 дворов, 13 садовых участков (всего 481 дерево) и пахотные поля (43 четверти пшеницы и 76 ока чеснока). Одновременно с обвалом в Кучук-Кое также обрушился выдающийся в море мыс между Кучук-Узенем и Куру-Узенем. Пострадавшим от обвала жителям Кучук-Коя императрица Екатерина II пожаловала 2000 рублей, которые были им вручены лично В.В. Каховским в Бахчисарае 16 июля 1786 г. [Маркевич, 1915, с. 256].

По словам самих жителей Кучук-Коя, сильное землетрясение, произошедшее за пятьдесят лет до описываемого события (по разным данным, в 1735 или в 1751 гг.), «оставило следы, причинив разрушение береговых гор»; П.С. Паллас предположил, что эти разрушения явились следствием сейсмической волны, дошедшей до Крымского полуострова после землетрясений в Силезии и Венгрии [Паллас, 1881, с. 146; Маркевич, 1915, с. 255]. В марте 1817 г. в этом районе вновь произошел обвал, разрушивший участок дороги от дер. Мшатка до Кучук-Коя; также «были разорены многие сады и поля» [Маркевич, 1915, с. 258, 259].

Как сообщалось в рапорте Таврического областного правления Правительствующему Сенату от 5 января 1794 г., 27 ноября 1793 г. «пополудни в 8-м часу в Карасубазаре, Бахчисарае и Перекопе чувствуемо было почти неприметное и непродолжительное землетрясение, которое же однако никакого вреда не причинило»; в соответствии с имеющимися сведениями сила толчков могла составлять до 5–6 баллов по шкале Рихтера [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 12; Попов,

Боспорские исследования, вып. XXXIII

1969, с. 448]. Об этом событии упоминалось и в труде П.С. Палласа, который заметил, что землетрясение произошло затем в марте 1790 г. на Южном берегу Крыма, однако оно было «несравненно сильнее» – его толчки ощущались по всему Крыму, однако эпицентр данного землетрясения не установлен (возможно, он находился в Румынии) [Паллас, 1881, с. 69; Смирнов, 1931, с. 10, 11, 25].

Одним из проявлений сейсмической активности на Крымском полуострове является грязевой вулканизм, связанный с фазами интенсивной тектонической деятельности. Сведения о его проявлениях встречаются в официальных документах Таврического областного правления конца XVIII в. Так, например, смотритель Таманского карантина поручик К. Линтварев сообщал, что 27 февраля 1794 г. в Фанагорийском уезде Таврической области, в районе мыса Коса Северная, «в большом кургане, который от Тамана расстоянием по проливу до двенадцати, а объезд одного сухопутно до шестидесяти верст», произошло извержение грязевого вулкана: по словам очевидцев, сначала был слышен «подобно грому стон», а затем появился столб густого черного дыма и огня высотой «более пятидесяти и в окружности до тридцати сажений», после чего на месте извержения возник глубокий кратер, вокруг которого образовалась вулканогенная брекчия. Само извержение длилось более часа, после чего активность вулкана еще некоторое время фиксировалась направленными туда наблюдателями. Те вскоре рапортовали: опрошенные ими местные жители свидетельствовали, что до этого вулкан не проявлял своей активности; кроме того, в документе сообщалось, что на территории Фанагорийского уезда расположено значительное число подобных вулканов, из которых, по словам местных жителей, «выходит земляной называемый нефтью деготь» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 54–58].

Очевидно, что вышеприведенные сведения описывают извержение грязевого вулкана Куук-Обо, которое сопровождалось «оглушительным шумом» и землетрясением, ощущавшимся в Бахчисарае, Карасубазаре и Перекопе [Маркевич, 1928, с. 4]; подробное описание последствий этого извержения оставил П.С. Паллас, отметивший, что во время этого природного явления наблюдался высокий огненный столб из кратера (вероятно, от вспышки нефти), а также клубы дыма и потоки грязи (выброшено было около 650 000 куб. м), извергавшиеся из вулкана. «Кипение, свист и шум продолжались до ночи, – сообщал ученый, – и до третьего дня гора еще выбрасывала иногда грязь на высоту двойного роста человека. Затем еще раз был слышен треск, гора снова начала выбрасывать грязь в вышину, но огонь более не показывался» [Паллас, 1999, с. 138, 139].

В марте 1795 г. сейсмическая активность была отмечена на Таманском полуострове (территория Черноморского казачьего войска), в шести верстах от Ахтанизовского лимана, где, как сообщал правитель Таврической области С.С. Жегулин, вулканический холм диаметром 17 метров приподнялся от дневной поверхности на более чем 1 метр, в результате чего вокруг холма образовались «расселины, и сквозь оных был слышан подземный шум» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 44–46]. В 1799 г.

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

извержение вулкана произошло в Азовском море, недалеко от Темрюка: «в ста пятидесяти сажнях от берега был слышен подземный гул, сопровождавшийся страшным громом, за которым следовал удар как бы от пушечного выстрела, и сейчас же <...> поднялся на поверхность моря с довольно глубокого морского дна [около пяти-шести сажень] остров, как большой могильный курган, окружность которого можно считать приблизительно в сто сажень» [Паллас, 1999, с. 136, 137]. После извержения были зафиксированы подземные толчки, которые ощущались даже в Екатеринодаре (на расстоянии более 200 км).

В «Наставлении Губернаторам от 21 апреля 1764 г.», изданном Правительствующим Сенатом, которое было затем подтверждено указами 4 сентября 1788 г., 7 августа 1790 г. и 17 января 1794 г., губернаторам и правителям областей, в частности, предписывалось: обо «всех чрезвычайных приключениях, как то: пожары, голод, наводнение и о прочих в губерниях их случающихся важных происшествиях, сем подобных, рапортовать всегда Сенату» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 4]. В соответствии с этим распоряжением власти Таврической области в 1790, 1791 и 1792 гг. извещали Правительствующий Сенат, что «таковых происшествий в Таврической области не было» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–9]. В 1793 г. в рапорте Таврического областного правления, между прочим, было указано, что область «от опасной болезни состоит благополучно, и слуху о ней нигде нет» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 11].

В сочинениях путешественников и архивных документах имеются сведения о происшествиях на море. Так, например, француз Обри де ла Мотре, побывавший в Крыму в 1711 г., в своих записках упомянул о нескольких случаях кораблекрушения, о которых ему рассказали местные жители. По их словам, Черное море «съедало» ежегодно до 60 кораблей – в 1711 г. «кромѣ многочисленных бригаантин, которые потерпели крушение, не прошло и 3-х месяцев, как 22 большие чайки, которые перевозят столько же товара, как наши самые крупные торговые суда <...> темной ночью, при ветре <...> разбились у берега. Спаслось только 150 человек из более чем 1000 рабов и 30 членов экипажа, находившихся на борту каждой чайки» [Мотре, 2006, с. 200].

В октябре 1783 г. у берегов Крыма, вблизи мыса Сарыч, потерпело крушение турецкое судно; князь Г.А. Потемкин распорядился оказывать «всякое содействие и благоприютство» спасшимся с него морякам и при первом удобном случае доставить их в Очаков или Анатолию [Мурзакевич, 1881, с. 291]. А 11 апреля 1793 г. «пополудни с 4-го часа <...> свирепствовала пресильная от Запада буря над состоящими на евпаторийском рейде российскими и турецкими судами», причем «два из них были разбиты до основания, два, сорвавшись с якорей, стали на мель, да одно потеряло мачту и в некоторых местах повредилось». Как сообщалось далее в документе, одно из российских трехмачтовых судов, принадлежавшее некоему херсонскому купцу, потеряло весь груз пшеницы (1300 четвертей), а из находившихся на судне 25 человек спаслось только 14, остальные – погибли, причем спасти их было невозможно,

Боспорские исследования, вып. XXXIII

как утверждал автор рапорта, из-за сильного волнения, поднявшегося в тот день на море. Турецкое судно, груженное 1635 киле купленной в Крыму казенной соли, также потеряло весь свой груз, однако экипаж не пострадал. Остальные суда получили небольшие повреждения [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 101, 101 об.].

Стихия стала причиной трагедии и в Феодосии: 28 мая 1793 г. российское купеческое судно, возвращавшееся из Константинополя и находившееся в 20 верстах (11,5 морские мили) от порта, было застигнуто в море сильной грозой. В результате прямого попадания молнии один матрос погиб, другие члены экипажа получили множественные ожоги. Об этом происшествии Таврическому вице-губернатору К.И. Габлицу докладывал начальник Таврических карантинных надворный советник Иван Гохфельт [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 101, 101 об.].

Непогода причиняла серьезный ущерб сельскому хозяйству. В мае 1793 г. в Днепропровском уезде Таврической области (в с. Большая Знаменка) прошла сильная буря и град, в результате которых были зафиксированы многочисленные убытки: погиб весь урожай хлеба, «в церкви и домах оконцы были побиты, две деревянные мельницы сломаны» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 11, 11 об., 12]. Напротив, в апреле следующего года и.о. земского исправника Днепропровского и Мелитопольского уездов ротмистр Ф. Лемешев рапортовал в Таврическое областное правление, что с наступлением весны на территории уездов вообще не выпадало осадков, в связи с чем вся посеянная жителями пшеница, а также трава для сенокоса пришли «в совершенную сухость» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. Л. 84]. Летом 1795 г. на территории Днепропровского и Перекопского уездов была зафиксирована эпидемия среди домашнего скота, вызвавшая его массовый падеж, который прекратился только с наступлением холодов; в мае 1796 г. Ф. Лемешев рапортовал о повторной вспышке эпизоотии в с. Белозерке, Рогачике и «других степных местах», против распространения которой сразу же были приняты соответствующие меры [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 360. Л. 25–35, 47, 78; ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 5–7, 37, 38].

В 1795 г. погодная стихия нанесла урон и в Симферопольском уезде. Староста с. Мангуш сообщал, что 22 июня в результате сильного дождя с градом «величиной больше грецкого ореха и весом в полфунта», который продолжался более двух часов, были уничтожены посевы яровой пшеницы, «огородные продукты совсем выбиты, деревья повреждены» (среди прочих было уничтожено множество садовых деревьев), в церкви и в жилых домах были выбиты стекла в окнах; по словам очевидца, град был такой силы, что даже сбивал с ног телят, а «птиц совсем в смерть убивало» [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–3]. 14 августа 1796 г. после сильного ливня с градом вышла из берегов р. Бельбек и последовавший за этим разрушительный сель уничтожил несколько строений в дер. Дуванкой (в том числе ряд хозяйственных помещений на земле, принадлежавшей вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову, 8 домов и мельницу); в этом наводнении погибли два местных жителя [ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. Л. 31, 32]. Об этом событии упоминал и П.С. Паллас: «Туча (ливень)

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

разразилась летом 1796 года близ Дуванкоя, последствием чего было сильное наводнение, давшее много обвалов, которое снесло громадное количество камней, засыпавших значительную часть садов и на неделю сделавших непроезжей почтовую дорогу» [Паллас, 1999, с. 35].

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать ряд выводов. На протяжении XVII–XVIII вв. Крымский полуостров неоднократно сотрясали природные катаклизмы и стихийные бедствия. Негативным фактором, серьезно отражавшимся на состоянии региона, являлись засухи, которые приводили к частым неурожаям и, как следствие, к массовому голоду и болезням среди населения. Схожая ситуация наблюдалась в отдельных районах и после присоединения Крыма к России в конце XVIII в., однако она имела гораздо меньшие последствия в связи с интенсивным ведением хозяйства и увеличением посевных площадей. Помимо сообщений о погодных катаклизмах и неурожаях, в источниках неоднократно упоминается и о нашествиях такого сельскохозяйственного вредителя, как саранча, которые также приводили к массовому голоду среди населения.

Однако наиболее существенный ущерб полуострову все же наносили инфекционные болезни – в частности, чума и холера. Эпидемии чумы, или «моровой язвы», были зафиксированы на территории Крыма и сопредельных с ним областей в 1628–1629, 1636, 1680, 1727, 1735, 1738, 1739, 1770, 1783, 1796 и 1799 гг. Число заболевших и умерших исчислялось тысячами; распространению чумы способствовала антисанитария и отсутствие эффективных способов борьбы. Действенные меры по пресечению эпидемических болезней или профилактике заболевания стали приниматься только после опустошительных эпидемий середины XVII – начала XVIII вв. в Европе. Одним из наиболее результативных способов по предупреждению распространения инфекции стала организация карантинных застав, на которых осуществлялся санитарный контроль и проводились противоэпидемиологические мероприятия.

В сочинениях путешественников и документах XVII–XVIII вв. имеются свидетельства о землетрясениях и проявлениях вулканической деятельности на Крымском полуострове. Выявлено, что наиболее заметные фазы сейсмической активности наблюдались в период с 1615 по 1656 год, а также в 1751, 1786, 1790 и 1793 гг. Сообщения о проявлениях грязевого вулканизма, характерного для восточной части Крыма, встречаются в официальных документах администрации Таврической области конца XVIII в. Корреляция проанализированных в статье данных позволяет составить подробную картину происходивших на полуострове природных катастроф.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- д'Асколли Эмиддио Дортелли.* Описание Черного моря и Татари (1634 г.); пер. Н.Н. Пименова; прим. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. 24, Ч. II: Материалы. С. 89–180.
- Архангельский Г.И.* Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг.: Дис. на степ. д-ра мед. Г. Архангельского. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. [2], IV, VIII, 342, [1] с.
- Барабанов О.Н.* Товарооборот черноморской торговли в XVIII веке (Крым, Запорожье, Турция, Россия) // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 279–284.
- Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России: материалы и очерки / Под ред. А.И. Метелкина. М.: Медгиз, 1960. 400 с.
- Васильев К.К.* Медицина Южной Пальмиры. Одесса: Optimum, 2009. 423 с.
- Владыкин Б.В.* Материалы к истории холерной эпидемии 1892–95 гг. в пределах Европейской России: Дис. на степ. д-ра мед. Б.В. Владыкина. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1899. 95 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступительная статья А.Л. Хорошкевич; Под ред. В.Л. Янина. М.: изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Гозевер З.Х.* Чума: история, сущность и борьба с ней. М.: т-во И.Д. Сытина, 1897. 16 с.
- Государственный архив Республики Крым (ГКУ РК ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 152. 236 л.
- ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 360. 235 л.
- ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 361. 95 л.
- ГКУ РК ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 441. 32 л.
- Дёрбек Ф.А.* История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905. 385 с.
- Заблудовский П.Е.* История отечественной медицины. Период до 1917 года: Материалы к курсу истории медицины в мед. ин-тах и ин-тах усовершенствования врачей / М-во здравоохранения СССР. Центр. ин-т усовершенствования врачей В 2 Т. М.: [б. и.], 1960. Ч. 1: Период до 1917 года. 399 с.
- Змерзлый Б.В., Воронина Е.О.* Правовые основы создания и деятельности карантинных учреждений в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. (на материалах Таврической губернии). Симферополь, 2014. 261 с.
- Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. IV, 567, IV с.
- Каргалов В.В.* На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974. 182 с.
- Киреенко Г.К.* Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1796). Ордера князя Потемкина за 1786 год // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 3. С. 1–35.
- [*Киреенко Г.*] Ордера князя Потемкина. 1786 год // ИТУАК. Симферополь, 1897. № 4. С. 1–31.
- Лахтин М.Ю.* Борьба с эпидемиями в допетровской Руси. Труды кафедры истории и энциклопедии медицины Имп. Моск. ун-та. М.: тип. торг. дома Мошкина и Ге, 1909. [2], 21 с.
- [*Лашков Ф.Ф.*] О Камеральном описании Крыма. Сообщение Ф.Ф. Лашкова // ИТУАК. Симферополь, 1897. 2-е изд-ие. № 2. С. 20–33.
- Маништейн Х.Г.* Современные записки о России. В историческом, политическом и военном отношении. Дерпт: университетская типография М. Гренциуса, 1810. III, 378 с.
- Маркевич А.И.* К появлению оползней Яйлы близ дер. Кучук-Кой Ялтинского уезда в марте 1915 года (архивная справка) // ИТУАК. 1915. № 52. С. 254–259.
- Маркевич А.И.* Симферополь. Его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое. Симферополь, 1924. 113 с.
- Маркевич А.И.* Летопись землетрясений в Крыму (историческая справка) // Черноморское землетрясение 1927 г. и судьбы Крыма. Симферополь, 1928. С. 64–73.

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи. М.: МАЙК «Наука/Интерпериодика», 2001. 380 с. [*Мотре де ля О.*] Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т.д. / пер. Н.Н. Хлебко, Н.Ш. Шульгиной; предисл. И.И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.

Мурзакевич Н.Н. Список из статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // ЗООИД. 1850. Т. 2. С. 568–658.

Мурзакевич Н.Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 249–329.

Несколько исторических заметок, написанных Равви Иаковом, сыном Равви Мордухая в конце книги Игерет-Гави-Кувах [иск. ивр. Иггерет а-викуах]. Пер. А.С. Фирковича // Временник Императорского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Ч. II. С. 100–134.

Никонов А.А. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли. 1994. № 11. С. 20–31.

Никонов А.А. Землетрясения XVII века в Восточном Крыму // Известия АН СССР. Физика Земли. 1986. № 6. С. 79–85.

Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение региональных карт и параметров выявленных событий // Физика Земли. 2000. № 7. С. 53–62.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л.: АН СССР, 1948. 447 с.

Паллас П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М. Наука. 1999. 246 с.

Пантюхов И.И. Эпидемии в Польше и Западной России до конца XVIII века: (Чит. в заседании О-ва киев. врачей 12 июня 1876 г.) [Ред., секр. о-ва Маковецкий]. [Киев]: тип. М.П. Фрица, [1876]. 26 с.

Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В.С. Попову, для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 12. С. 235–361.

Попов И.И. Землетрясения в Крыму и прилегающих к нему частях Черного моря // Геология СССР. Т. VIII. Крым. Ч. 1. Геологическое описание. М.: Недра, 1969. С. 447–459.

Полумб А. Очерк крымских землетрясений. Гос. изд-во Крым АССР, 1933. 70 с.

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Ленинград: тип. ЛГУ, 1941. 79 с.

Слудский А.Ф. Исторический очерк землетрясений в Крыму // Крым. 1928. № 1 (15). С. 17–24.

[*Савелов Л.М.*] Посылки в Крым в XVII веке. Сообщил Л.М. Савелов // ЗООИД. Одесса: «Экономическая» типография и литография, 1902. Т. 24. Ч. II: Материалы. С. 73–82.

[*Савелов Л.М.*] Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. Пред. Л.М. Савелова // ИТУАК. Симферополь, 1906. № 39. С. 1–105.

Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М.: Наука, 1987. 270 с.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII ст.; под ред. С.Ф. Орешниковой. М.: изд. дом «Рубежи XXI», 2005. 541 с.

Смирнов Е.И., Лебединский В.А., Гарин Н.С. Войны и эпидемии; АМН СССР. М.: Медицина, 1988. 236, [2] с.

Смирнов М.В. Каталог землетрясений в Крыму. Симферополь, 1931. 48 с.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора. Одесса: городская типография, 1850. VI, 284 с.
- Тунманн И.Э. Крымское ханство (прим., предисл. и прил. Н.Л. Эрнста). Симферополь, 1991. 92 с.
- Турецкая война при императрице Анне. Современная рукопись. Предисловие. Писанное в 1836 году. Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах [1736–1739 гг.] // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 255–274.
- Хапаев В.В. Крымские землетрясения древности и средневековья: к истории вопроса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма: электрон. научн. журн. Симферополь, 2008. Вып. I. С. 89–116. URL: <http://maiask.ucoz.ru/news/2008-11-02-1> (дата обращения: 15.01.2016).
- Хапаев В.В. Землетрясения 1292 и 1341 гг. в Крыму: к преодолению историографического мифа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2009. № 164. С. 77–80.
- Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XIII. С. 456–473.
- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. Симферополь-Керчь, 2015. Вып. XX. С. 395–430.
- Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. [734] с.
- Giron-Negron, Luis. M. Alfonso de la Torre's «Vision deleytable»: Philosophical rationalism and the religious imagination in 15th century Spain. Leiden: Brill, 2001. 306 p.
- Hirsch A. Handbook Of Geographical And Historical Pathology. London, 1883. 730 p.
- Peyssonnel Claude-Charles, de Traité sur le commerce de la mer Noire. Paris: Cuchet, 1787. Т. I. IV, 340 p.

REFERENCES

- d'Askolli Emiddio Dortelli. Opisanie Chernogo morja i Tatarii (1634 g.); per. N.N. Pimenova; prim. A.L. Bert'e-Delagarda *ZOOID*. Odessa, 1902. Т. 24, Ch. II: Materialy. p. 89–180.
- Arhangel'skij G.I. *Holernye jepidemii v Evropejskoj Rossii v 50-letnij period 1823–1872 gg.*: Dis. na step. d-ra med. G. Arhangel'skogo. SPb.: tip. M. Stasjulevicha, 1874. [2], IV, VIII, 342, [1] p.
- Barabanov O.N. Tovaroborot chernomorskoj trgovli v XVIII veke (Krym, Zaporozh'e, Turcija, Rossija) *MAIET*. Simferopol', 1993. Vyp. III. p. 279–284.
- Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istorija jepidemij v Rossii: Materialy i ocherki* / Ed. By A.I. Metelkina. M.: Medgiz, 1960. 400 p.
- Vasil'ev K.K. *Medicina Juzhnoj Pal'miry*. Odessa: Optimum, 2009. 423 p.
- Vladykin B.V. *Materialy k istorii holernoj jepidemii 1892–95 gg. v predelah Evropejskoj Rossii*: Dis. na step. d-ra med. B.V. Vladykina. SPb.: tip. P.P. Sojkina, 1899. 95 p.
- Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii* / Per. s nem. A.I. Maleina i A.V. Nazarenko. Vstupitel'naja stat'ja A.L. Horoshkevich; Ed. by V.L. Janin. M.: izd-vo MGU, 1988. 430 p.
- Gozever Z.H. *Chuma: Istorija, sushhnost' i bor'ba s nej*. M.: t-vo I.D. Sytina, 1897. 16 p.
- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GKU RK GARK). F. 799. Op. 1. D. 152. L. 1–236.
- GKU RK GARK. F. 799. Op. 1. D. 360. L. 1–235.
- GKU RK GARK. F. 799. Op. 1. D. 361. L. 1–95.
- GKU RK GARK. F. 799. Op. 1. D. 441. L. 1–32.
- Djorbek F.A. *Istorija chumnyh jepidemij v Rossii s osnovanija gosudarstva do nastojashhego vremeni*. SPb., 1905. 385 p.
- Zabludovskij P.E. *Istorija otechestvennoj mediciny. Period do 1917 goda: Materialy k kursu istorii mediciny v med. in-tah i in-tah usovershenstvovanija vrachej* / M-vo zdravoohraneniya SSSR. Centr. in-t usovershenstvovanija vrachej V 2 T. M.: [b. i.], 1960. Ch. 1: Period do 1917 goda. 399 p.
- Zmerzlyj B.V., Voronina E.O. *Pravovye osnovy sozdaniya i dejatel'nosti karantinnyh uchrezhdenij v Rossijskoj*

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

- imperii v konce XVIII – nachale XX vv. (na materialah Tavricheskoj gubernii)*. Simferopol', 2014. 261 p.
- Kapterev N.F. *Harakter otnoshenij Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI–XVII stoletijah*. Sergiev Posad, 1914. IV, 567, IV p.
- Kargalov V.V. *Na stepnoj granice. Oborona «krymskoj Ukrainy» Russkogo gosudarstva v pervoj polovine XVI stoletija*. M.: Nauka, 1974. 182 p.
- Kireenko G.K. Ob orderah knjazja Potemkina i grafa Zubova, hranjashhihsja v arhive Tavricheskogo Gubernskogo Pravlenija (1784–1796). Ordera knjazja Potemkina za 1786 god *ITUAK*. Simferopol, 1888. № 3. S. 1–35.
- [Kireenko G.] Ordera knjazja Potemkina. 1786 god *ITUAK*. Simferopol', 1897. № 4. p. 1–31.
- Lahtin M.Ju. *Bor'ba s jepidemijami v do-Petrovskoj Rusi*. Trudy Kafedry istorii i jenciklopedii mediciny Imp. Mosk. un-ta. M.: tip. torg. doma Moshkina i Ge, 1909. [2], 21 p.
- [Lashkov F.F.] O Kameral'nom opisanii Kryma. Soobshhenie F.F. Lashkova *ITUAK*. Simferopol, 1897. 2-e izd-je. № 2. p. 20–33.
- Manshtejn H.G. *Sovremennye zapiski o Rossii. V istoricheskom, politicheskom i voennodejstvennom otnoshenijah*. Derpt: universitetskaja tipografija M. Grenciusa, 1810. III, 378 p.
- Markevich A.I. K pojavleniju opolznej Jajly bliz der. Kuchuk-Koj, Jaltinskogo uezda v marte 1915 goda (arhivnaja spravka) *ITUAK*. 1915. № 52. p. 254–259.
- Markevich A.I. *Simferopol'. Ego istoricheskie sud'by, starina i nedavnee proshloe*. Simferopol, 1924. 113 s.
- Markevich A.I. Letopis' zemletrjasenij v Krymu (istoricheskaja spravka) *Chernomorskoe zemletrjasenie 1927 g. i sud'by Kryma*. Simferopol, 1928. p. 64–73.
- Miranda F. *Puteshestvie po Rossijskoj Imperii*. M.: MAJK «Nauka/Interperiodika», 2001. 380 p.
- [Motre de Ija O.] *Puteshestvie g-na O. de Ija Motre po Evrope, Azii i Afrike; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovanija v Italii, Grecii, Turcii, v Tartarii (Krymu) i t.d.* / per. N.N. Hlebko, N.Sh. Shul'ginov; predisl. I.I. Vdovichenko *Istoricheskoe nasledie Kryma*. 2006. № 12–13. p. 184–207.
- Murzakevich N.N. Spisok s statejnogo spiska velikogo gosudarja ego carskogo velichestva poslannikov: stol'nika i polkovnika i namestnika perejaslavskogo Vasilija Mihajlova syna Tjapkina, d'jaka Nikity Zotova *ZOOID*. 1850. T. 2. p. 568–658.
- Murzakevich N.N. Rasporjazhenija svetlejshego knjazja Grigorija Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo kasatel'no ustroenija Tavricheskoj oblasti s 1781 po 1786 god *ZOOID*. 1881. T. 12. p. 249–329.
- Neskol'ko istoricheskikh zametok napisannyh Ravvi Iakovom, synom Ravvi Morduhaja v konce knigi Igeret-Gavi-Kuvah [isk. ivr. Iggeret a-vikuah]. Per. A.S. Firkovicha *Vremennik imperatorskogo Obshhestva Istarii i Drevnostej Rossijskih*. 1856. Kn. 24. Ch. II. p. 100–134.
- Nikonov A.A. Sil'nye zemletrjasenija i sejsmicheskij potencial Zapadno-Krymskoj (Sevastopol'skoj) ochagovoj oblasti *Fizika Zemli*. 1994. № 11. p. 20–31.
- Nikonov A.A. Zemletrjasenija XVII veka v Vostochnom Krymu *Izvestija AN SSSR. Fizika Zemli*. 1986. № 6. p. 79–85.
- Nikonov A.A. Sejsmicheskij potencial Krymskogo regiona: sravnenie regional'nyh kart i parametrov vyjavlennyh sobytij *Fizika Zemli*. 2000. № 7. p. 53–62.
- Novosel'skij A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII v. M., L.: AN SSSR*, 1948. 447 p.
- Pallas P.S. *Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793–1794 gg.* *ZOOID*. 1881. T. 12. p. 62–208.
- Pallas P.S. *Nabljudenija, sdelannye vo vremja puteshestvija po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva*. M. Nauka. 1999. 246 s.
- Pantjuhov I.I. *Jepidemii v Pol'she i Zapadnoj Rossii do konca 18 veka: (Chit. v zasedanii O-va kiev. vrachej 12 ijunja 1876 g.)* [Ed. by Makoveckij]. [Kiev]: tip. M.P. Frica, [1876]. 26 p.
- Pis'ma pravitelja Tavricheskoj oblasti Vasilija Vasil'evicha Kohovskogo pravitelju kanceljarii V.S. Popovu, 344

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- dlja doklada Ego Svetlosti Knjazju Grigoriju Aleksandrovichu Potemkinu-Tavricheskomu *ZOOID*. 1877. T. 12. p. 235–361.
- Popov I.I. Zemletrjasenija v Krymu i priliegajushhij k nemu chastjah Chernogo morja *Geologija SSSR*. T. VIII. Krym. Ch. 1. Geologicheskoe opisanie. M.: Nedra, 1969. p. 447–459.
- Polumb A. *Oчерk krymskih zemletrjasenij*. Gos. izd-vo Krym ASSR, 1933. 70 p.
- Romm Zh. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* Leningrad: tip. LGU, 1941. 79 p.
- Sludskij A.F. Istoricheskij oчерk zemletrjasenij v Krymu *Krym*. 1928. № 1 (15). p. 17–24.
- [Savelov L.M.] Posylki v Krym v XVII veke. Soobshhil L.M. Savelov *ZOOID*. Odessa: «Jekonomicheskaja» tipografija, 1902. T. 24. Ch. II: Materialy. p. 73–82.
- [Savelov L.M.] Iz istorii snoshenij Moskvj s Krymom pri care Mihaile Fedoroviche. Posol'stvo S.I. Tarbeeva v Krym v 1626–1628 gg. Pred. L.M. Savelova *ITUAK*. Simferopol', 1906. № 39. p. 1–105.
- Sanin G.A. *Otnoshenija Rossii i Ukrainy s Krymskim hanstvom v seredine XVII v.* M.: Nauka, 1987. 270 p.
- Smirnov V.D. *Krymskoe hanstvo pod verhovenstvom Ottomanskoj Porty v XVIII st.*; Pod red. S.F. Oreshnikovoj. M.: Izd. dom «Rubezhi XXI», 2005. 541 p.
- Smirnov E.I., Lebedinskij V.A., Garin N.S. *Vojny i jepidemii*; AMN SSSR. M.: Medicina, 1988. 236, [2] p.
- Smirnov M.V. *Katalog zemletrjasenij v Krymu*. Simferopol', 1931. 48 p.
- Statejnij spisok stol'nika Vasilija Tjapkina i d'jaka Nikity Zotova, posol'stva v Krym v 1680 godu, dlja zaključenija Bahchisarajskogo dogovora. Odessa: Gorodskaja tipografija, 1850. VI, 284 p.
- Tunmann I.J. *Krymskoe hanstvo* (Ed. by N.L. Ernst). Simferopol', 1991. 92 p.
- Tureckaja vojna pri imperatrice Anne. Sovremennaja rukopis'. Predislovie. Pisannoe v 1836 godu. Zapiska o tom, skol'ko ja pamjatuju o krymskih i tureckih pohodah [1736–1739 gg.] *Russkij arhiv*. 1878. Kn. 1. p. 255–274.
- Hapaev V.V. Krymskie zemletrjasenija drevnosti i srednevekov'ja: k istorii voprosa *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*: jelektron. nauchn. zhurn. Simferopol', 2008. Vyp. I. S. 89–116. URL: <http://maiask.ucoz.ru/news/2008-11-02-1> (data obrashhenija: 15.01.2016).
- Hapaev V.V. Zemletrjasenija 1292 i 1341 gg. v Krymu: k preodoleniju istoriograficheskogo mifa *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. Simferopol', 2009. № 164. p. 77–80.
- Hrapunov N.I. Krymskij poluostrov posle prisoedinenija k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena *MAIET*. Simferopol'-Kerch', 2013. Vyp. XIII. p. 456–473.
- Hrapunov N.I., Gin'kut N.V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu francuzskogo puteshestvennika barona de Bara // *MAIET*. Simferopol'-Kerch', 2015. Vyp. XX. p. 395–430.
- Scherbina F.A. *Istorija Kubanskogo kazach'ego vojska*. Ekaterinodar, 1910. T. 1. [734] p.
- Giron-Negron, Luis. M. *Alfonso de la Torre's «Vision delectable»: Rhilosophical rationalism and the religious imagination in 15th century Spain*. Leiden: Brill, 2001. 306 p.
- Hirsch A. *Handbook Of Geographical And Historical Pathology*. London, 1883. 730 p.
- Peyssonnel Claude-Charles, *de Traité sur le commerce de la mer Noire*. Paris: Cuchet, 1787. T. I. IV, 340 p.

Резюме

В статье проанализированы исторические сведения о чрезвычайных ситуациях, возникших вследствие природных катаклизмов на территории Крымского полуострова в период с XVII до конца XVIII в. Информация о них приводится в официальной делопроизводственной переписке, отчетах официальных послов и резидентов, находившихся в Крыму, а также в мемуарах, очерках и записках непосредственных участников указанных событий. При работе использовались официальная документация созданного после присоединения Крыма в 1783 г. Таврического областного правления, переписка должностных лиц и материалы. Выявлено, что на протяжении XVII–XVIII вв. Крымский полуостров неоднократно

Прохоров Д.А. Последствия природных катаклизмов ...

сотрясали природные катаклизмы и стихийные бедствия. Негативным фактором, серьезно отражавшимся на состоянии региона, являлись засухи, которые приводили к частым неурожаям и, как следствие, к массовому голоду и болезням среди населения. Эпидемии чумы, или «моровой язвы», были зафиксированы на территории Крыма и сопредельных с ним областей в 1628–1629, 1636, 1680, 1727, 1735, 1738, 1739, 1770, 1783, 1796 и 1799 гг. Одним из наиболее результативных способов по предупреждению распространения инфекции стала организация карантинных застав, на которых осуществлялся санитарный контроль и проводились противоэпидемиологические мероприятия. В сочинениях путешественников и документах XVII–XVIII вв. имеются свидетельства о землетрясениях и проявлениях вулканической деятельности на Крымском полуострове. Наиболее заметные фазы сейсмической активности наблюдались в период с 1615 по 1656 год, а также в 1751, 1786, 1790 и 1793 гг.; помимо всего прочего, на Керченском и Таманском полуостровах были зафиксированы проявления грязевого вулканизма.

Ключевые слова: Крымский полуостров, природные катаклизмы, стихийные бедствия, эпидемии, землетрясения.

Summary

The article analyzes the historical information about emergency situations arising from natural disasters in the territory of the Crimean peninsula in the period from the XVII to the XVIII centuries. Information about them is contained in the official record keeping correspondence, reports of official ambassadors and residents, who were in the Crimea, as well as in memoirs, essays and notes of direct participants of those events. We used the official records of Taurida regional government created after the annexation of the Crimea in 1783, the correspondence of officials and other materials. It was found that during the XVII-XVIII centuries the Crimean peninsula was repeatedly shaken by natural hazards and natural disasters. Negative factor, seriously reflected on the state of the region was drought, which led to frequent crop failures, and, as a consequence, mass starvation and diseases among the population. Plague or «pestilence» epidemics was recorded in the Crimea and close regions in 1628-1629, 1636, 1680, 1727, 1735, 1738, 1739, 1770, 1783, 1796 and 1799. One of the most effective ways to prevent the spread of infection was the organization of quarantine and quarantine outposts, where sanitary control was carried out, anti-epidemic measures were taken. The writings of travellers and the documents of XVII-XVIII centuries contain evidence of earthquakes and volcanic activity on the Crimean peninsula. The most notable phases of seismic activity were observed in the period from 1615 and 1656, as well as in 1751, 1786, 1790 and 1793. Among other things, mud volcanoes activity was recorded on the Kerch and Taman peninsulas.

Keywords: Crimean peninsula, natural hazards, natural disasters, epidemics, earthquakes.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохоров Дмитрий Анатольевич, к.и.н., старший научный сотрудник
НИИ истории и археологии Крыма,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь,
старший научный сотрудник
prohorov1da@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prokhorov Dmitrii Anatol'evich, CSc
Scientific Research Center of History
and Archaeology of Crimea,
«Crimean Federal University,
Named after Vernadsky», Simferopol',
Senior Resarcher.
prohorov1da@yandex.ru